Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ДОМОВЪ

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА

(Къ 50-лѣтію)

Изданіе группы „ВПЕРЕДЪ"

ФЕВРАЛЬ 1911 г.

Кооперативная Тип. „СОЮЗЪ", 50, Bd Arago, Paris

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 года

(Къ пятидесятилѣтію)

Черезъ нѣсколько дней исполнится 50 лѣтъ со времени отмѣны въ Россіи крѣпостного права. 19 февраля — старинный праздникъ русской либеральной буржуазіи. Еще когда ни о какихъ политическихъ собраніяхъ не было и помину, она собиралась въ этотъ день, и чествовала годовщину „освобожденія крестьянъ“ — конечно, обѣдомъ. Россійскій пролетарій пообѣдаетъ 10 февраля, какъ и во всякій другой день, вѣроятно: въ зависимости отъ того, есть ли обѣдъ. Ликовать по поводу „паденія крѣпостнаго права“ ему нѣтъ особыхъ основаній: но не пройти молча мимо юбилея крестьянской реформы есть основаніе и у него. Въ исторіи развитія русскаго капитализма это, если не самое замѣчательное, то самое яркое событіе. Теперь часто приходится слышать о превращеніи Россіи въ „буржуазную монархію“. Поскольку говорящіе объ этомъ имѣютъ въ виду превращеніе *политическое*, они неправы, конечно. Буржуазія у насъ не завладѣла еще государственною властью — и можно даже сомнѣваться, завладѣетъ ли: европейское рабочее движеніе пошло, съ недавняго времени, такою мощною волной, что начало соціальной революціи въ Западной Европѣ можетъ опередить новую буржуазную революцію въ Россіи, — и россійская буржуазія такъ и увянетъ, не успѣвши разцвѣсть полнымъ цвѣтомъ. Тѣмъ не менѣе, о „буржуазной монархіи“ въ Россіи говорить можно въ другомъ смыслѣ. Рус-

ское самодержавіе, не теряя своего феодальнаго обличья и своихъ крѣпостническихъ привычекъ, давно стало приспособляться къ потребностямъ буржуазнаго капиталистическаго общества. Крѣпко держа власть въ рукахъ, русскіе коронованные помѣщики пользовались ею въ интересахъ не одного только феодальнаго дворянства, а также и въ интересахъ нарождающейся буржуазіи. Еще Петръ I заботился о нуждахъ русскаго капитализма не меньше, а, пожалуй, даже больше, чѣмъ современные ему государи Западной Европы. Сто лѣтъ спустя, въ началѣ XIX вѣка, вся русская внѣшняя политика опредѣлялась интересами русской торговли — и только что появившагося въ Россіи аграрнаго капитализма. Ради свободы торговли, свободы вывоза русскаго сырья за-границу и свободы привоза въ Россію заграничныхъ фабрикатовъ велась знаменитая война Двѣнадцатаго года. Реформы Александра II — крестьянская, земская и судебная — представляютъ собою одинъ изъ эпизодовъ этой „буржуазной“ политики русскаго самодержавія. И на нихъ, въ особенности на крестьянской реформѣ, очень удобно уяснить себѣ, почему политика самодержавія — т. е. политика помѣщичьяго *класса,* потому что личность царей тутъ не при чемъ, конечно — такъ чутка были къ интересамъ совсѣмъ, казалось бы, чужого помѣщикамъ класса предпринимателей.

Крѣпостное *право*, какъ таковое, есть *феодальное* учрежденіе — вѣрнѣе, это остатокъ феодальнаго безправія, остатокъ той поры, когда баринъ-землевладѣлецъ имѣлъ всѣ права, а сидѣвшіе на „его“ барской, землѣ крестьяне—никакихъ правъ. Но пользоваться этими правами баринъ могъ весьма различно. Намъ можетъ показаться, что чѣмъ дальше въ глубь временъ, тѣмъ крѣпостное право было жесточе, положеніе крестьянъ хуже: на

самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Въ совсѣмъ отдаленныя времена — у насъ въ Россіи до XV—XVI вѣка, примѣрно, всѣ повинности крестьянъ по отношенію къ помѣщику ограничивались тѣмъ, что первые платили второму небольшой оброкъ натурой (мясомъ, яйцами, творогомъ, капустой и т. д.) да приходили въ горячую пору на помочи въ барское имѣнье — когда баринъ самъ со своими челядинцами не могъ управиться съ косьбой или жатвой. Ни денежнаго оброка, ни правильной барщины тогда и въ поминѣ не было. Судились и управлялись крестьяне сами — всѣмъ хоязяйствомъ деревни завѣдывалъ сельскій сходъ, и баринъ только въ рѣдкихъ случаяхъ вмѣшивался въ деревенскую жизнь. Отъ вспышекъ барскаго гнѣва страдали дворовые — а крестьяне рѣдко видѣли барина, рѣдко попадали ему и подъ руку. Съ XV—XVI вѣка дѣло начинаетъ мѣняться. Съ крестьянъ, помимо продуктовъ, начинаютъ требовать и денегъ; кратковременными „помочами“ не довольствуются, требуютъ, чтобы крестьяне постоянно отдавали часть своего рабочаго времени барину, и притомъ все большую и большую часть: сначала два дня въ недѣлю, потомъ три, потомъ даже еще больше — большую половину времени крестьянинъ сталъ проводить на барской пашнѣ, а лишь меньшую на своемъ надѣлѣ. И къ личности крестьянина баринъ подбирается все ближе — крестьянъ начинаютъ мѣнять, продавать, какъ скотъ или другую движимость. Переворотъ въ судьбѣ крестьянъ былъ настолько большой, что нѣкоторые историки отъ этой именно эпохи ведутъ „начало“ крѣпостнаго права. На самомъ дѣлѣ новаго права тутъ не было — продолжалось старое феодальное безправіе. Но раньше баринъ мало пользовался своей неограниченной властью а теперь явилось у него какое-то побужденіе

пользоваться ею все больше и больше. Откуда взялось это побужденіе—мы сейчасъ увидимъ. А пока замѣтимъ, что ухудшеніе въ положеніи крестьянъ на этомъ не остановилось. Съ конца 18-го вѣка многіе помѣщики стали вовсе отнимать у крестьянина его надѣлъ и заставляли его все время, безъ отдыха, работать на барской пашнѣ. До начала 18-го столѣтія помѣщики все-таки отвѣчали за мучительство надъ своими крестьянами: а потомъ, когда царская власть значительно усилилась и помѣщичьи безобразія было легче обуздать, ихъ обуздывать вовсе перестали — отъ крестьянъ не принимали жалобъ на господъ, и даже за подачу такихъ жалобъ били кнутомъ. Раньше продавали крестьянъ семьями—теперь стали продавать поштучно, какъ лошадей или коровъ. А продѣлывавшій всѣ эти безобразія помѣщикъ былъ куда образованнѣе своего предка — тотъ имени своего часто не умѣлъ подписать, а этотъ журналы выписывалъ и по французски разговаривалъ. Выходило какъ будто такъ, что чѣмъ цивилизованнѣе помѣщики, тѣмъ хуже живется крестьянину.

На самомъ дѣлѣ, конечно, цивилизованность помѣщиковъ и угнетеніе крестьянъ не были причиной одно другого: оба явленія были разными послѣдствіями одной и той же причины — появленія въ Россіи сначала денежнаго хозяйства на мѣсто натуральнаго, а потомъ и капитализма въ зачаточныхъ его формахъ. Въ древнѣйшее время баринъ потому довольствовался небольшой долей продуктовъ, производившихся крестьянами, что продать эти продукты онъ никуда не могъ. Все, что не потребилъ бы онъ и его дворня, пропало бы попусту: не было никакого побужденія увеличивать натуральный оброкъ или расширять собственное хозяйство. Дѣло измѣнилось, когда по-

явился *рынокъ* — сначала внутренній, а потомъ и заграничный: когда стало возможно *продавать* хлѣбъ и другіе продукты сельскаго хозяйства, получать въ обмѣнъ на нихъ деньги. Денегъ никогда не бываетъ слишкомъ много — имъ всегда находится употребленіе. На деньги помѣщикъ могъ удовлетворить такія потребности, о какихъ прежде ему и въ голову не приходило — на деньги можно было купить и заграничное сукно на платья, вмѣсто домотканной холстины, и заграничное вино вмѣсто домашней браги или домашняго меда, а заграничное образованіе даже, съ французскими придворными манерами. „Добыть побольше денегъ изъ имѣнія“ стало теперь лозунгомъ русскихъ помѣщиковъ. Нѣсколько цифръ дадутъ наглядное представленіе о томъ, какъ должна была расти зависимость помѣщичьяго хозяйства отъ рынка: въ 1758 году вся стоимость русскаго хлѣбнаго вывоза не превышала 114 000 тогдашнихъ рублей (около милліона рублей на теперешнія деньги). Черезъ двадцать лѣтъ она составляла уже 1.000.000 рублей — и такъ какъ цѣна рубля за это время упала вдвое, то на наши деньги это составитъ отъ 4 до 5 милліоновъ — иными словами вывозъ (только заграничный, замѣтимъ это) сталъ играть въ денежномъ хозяйствѣ русскихъ помѣщиковъ *впятеро* большую роль. Въ 1802 году вывезено было хлѣба уже на 8 слишкомъ милліоновъ рублей, а въ 1847 — болѣе, чѣмъ на 70. Въ первый годъ XIX столѣтія было вывезено за границу $5\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ пшеницы, а въ послѣднее десятилѣтіе передъ освобожденіемъ крестьянъ ежегодно вывозилось около 35 милліоновъ пудовъ, да около 20 милл. пуд. другихъ хлѣбовъ. По мѣткому выраженію одного изъ тогдашнихъ образованныхъ помѣщиковъ, русская крѣпостная деревня быстро превращалась въ „фабрику“ для производства

хлѣба. Какъ и всякое предпріятіе, это „фабрика“ привлекала все новые и новые капиталы. Уже въ 1786 году царица Екатерина, которая была посажена на престолъ гвардейскими офицерами и во все свое царствованіе ничего другого не дѣлала, какъ исполняла волю дворянства, Екатерина основала „заемный банкъ“ для помѣщиковъ, изъ котораго они за 50 лѣтъ (по 1833 г.) забрали до 188 милліоновъ рублей. Часто думаютъ, что помѣщики эти деньги истратили исключительно „съ потребительными цѣлями—по просту говоря, пропили и проѣли. Это не совсѣмъ такъ: наша крѣпостная „фабрика“ знала и производительное употребленіе капитала. Передъ освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи существовало 19 заведеній, изготовлявшихъ сельскохозяйственныя орудія, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ — напр., московская фирма Бутенопъ — имѣли милліонные обороты. Оставаясь владѣльцемъ крѣпостныхъ душъ, помѣщикъ становился въ то же время и предпринимателемъ: теперь понятно, почему онъ оказался способенъ усвоить себѣ буржуазную идеологію, — правда, не совсѣмъ. Русскій дворянинъ первой половины 19-го вѣка, подобно европейскому буржуа этой эпохи, былъ „фритредеромъ“ (сторонникомъ свободной торговли), послѣдователемъ либеральной экономической школы (т. наз. „манчестерской“), и даже, иногда, либераломъ въ политикѣ. Но очень рѣдко онъ былъ сколько-нибудь послѣдователенъ въ этомъ либерализмѣ — какъ это случилось, напр., въ 20 хъ годахъ съ декабристами. Быть послѣдовательнымъ въ этой области ему мѣшало то обстоятельство, что, вѣдь, основу-то его „предпріятія“ составлялъ подневольный трудъ крѣпостнаго крестьянства, которое безъ „внѣ-экономическаго принужденія“, въ формѣ палокъ и штыковъ, работать на помѣщика, не заставишь. Оттого ли-

беральному, европейски образованному дворянину, такъ нуженъ былъ весьма не европейскій и совсѣмъ не либеральный исправникъ въ деревнѣ — а въ Питерѣ исправникъ всѣхъ исправниковъ, самодержавный царь. Самодержавіе оказывалось необходимо именно для развитія русскаго крѣпостнаго капитализма.

Оставаться, однако же, долго такимъ ублюдкомъ, ни буржуа, ни феодаломъ, нельзя было: какая-нибудь одна половина помѣщика, либо буржуазная, либо феодальная, должна была взять верхъ. Въ наши дни взяла верхъ феодальная половина — и либеральные земцы конца 19-го вѣка превратились въ лютыхъ черносотенниковъ-октябристовъ; виноваты въ этомъ были экономическія условія: но тѣ же экономическія условія въ половинѣ прошлаго вѣка дали перевѣсъ буржуазной половинѣ въ дворянскомъ сердцѣ. Условія для помѣщичьей фабрики были благопріятны, какъ никогда. Цѣны на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ стояли высокія (пшеница, напримѣръ, стоила *вдвое* дороже, чѣмъ въ наши дни). Съ другой стороны, росъ и внутренній рынокъ, благодаря быстрому росту русской обрабатывающей промышленности (въ половинѣ 18-го вѣка у насъ было всего 500 фабрикъ, въ концѣ уже 2,000, а въ половинѣ 19-го вѣка почти 10,000 — болѣе чѣмъ съ полумилліономъ рабочихъ), вмѣстѣ съ тѣмъ, росту городовъ — въ Москвѣ уже во второй половинѣ 18-го вѣка было болѣе 200 тысячъ населенія, а въ 1830 году болѣе 300 тысячъ —, появленію усовершенствованныхъ путей сообщенія (въ первыя десятилѣтія 19-го вѣка былъ прорытъ рядъ каналовъ, связавшихъ центральную Россію и Поволжье съ Петербургомъ, и проведено много шоссейныхъ дорогъ, а въ половинѣ столѣтія открыта первая большая желѣзнодорожная линія, Николаевская), и т. д. Все

это, само вызванное въ жизни проникшимъ въ Россію капитализмомъ, давало толчекъ его дальнѣйшему развитію. Помѣщикъ, какъ всякій предприниматель въ періодѣ подъема, стремился производить все больше и больше, все большую и большую массу хлѣба выбросить на рынокъ: и вдругъ онъ встрѣчалъ на этомъ пути препятствіе, сразу подрѣзывавшее ему крылья. Препятствіемъ этимъ оказывалось то самое крѣпостное право, на которомъ выросло его „предпріятіе". Оно стѣсняло развитіе помѣщичьяго хозяйства въ двухъ направленіяхъ. Прежде всего, помѣщики средней, нечерноземной полосы Россіи, уже въ первой половинѣ 19-го вѣка вынужденные переходить къ *интенсивному* хозяйству, вынуждены были считаться съ *качествомъ* труда тѣхъ, кто обрабатывалъ барскую пашню. Раньше, при *экстенсивномъ* хозяйствѣ, можно было не обращать вниманія на то, что крестьянинъ на барщинѣ кое-какъ ковыряетъ землю. Теперь пришлось обратить на это вниманіе — и какія усилія ни употреблялъ помѣщикъ, чтобы заставить своего раба трудиться „добросовѣстно" (иные помѣщики въ рабочую пору цѣлые дни проводили въ полѣ съ арапникомъ) — все же со вздохомъ долженъ былъ онъ себѣ признаться, что на барщинѣ работы „утягивается" на цѣлую треть, если не на половину. Нужно сказать, что и крестьяне съ этой оцѣнкой были вполнѣ согласны — и не даромъ сложили поговорку, что „лѣтомъ муха работаетъ на барина, а осенью на себя." И помѣщики стали тосковать по *вольномъ работникѣ* — т. е. по такомъ крестьчнинѣ, который бы работалъ на барина не изъ подъ палки, а подъ давленіемъ своего собственнаго интереса, по *экономической необходимости* — какъ работникъ работаетъ на фабрикѣ. Голодъ, разсуждали про себя помѣщики, лучше вылѣчитъ крестьянскую

„лѣнь“, нежели палка. Конечно, такъ разсуждали про себя — а вслухъ говорились громкія фразы о „вольномъ трудѣ“, „свободномъ земледѣльцѣ“, и тому подобныя. Такъ помѣщики центральной Россіи — тверской, напримѣръ, губерній — стали завзятыми *эмансипаторами* — сторонниками освобожденія крестьянъ. Но, по другимъ причинамъ, стали подумывать объ эмансипаціи и помѣщики черноземныхъ губерній, гдѣ еще не приходилось думать объ интенсивномъ земледѣліи. По мѣрѣ возрастанія цѣны на хлѣбъ, земля здѣсь тоже возростала въ цѣнѣ: въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка десятина земли въ Орловской губерніи стоило 15—50 руб., т. е. въ сущности почти столько же, сколько и въ наши дни (100—120 рублей, но цѣна рубля съ тѣхъ поръ упала вдвое). Между тѣмъ, устройство крѣпостного имѣнія было таково, что крестьянамъ приходилось отдѣлять часть земли для ихъ собственнаго хозяйства. Правда, этотъ крестьянскій надѣлъ съ конца 18-го вѣка все уменьшался — при Екатеринѣ II крестьяне имѣли обыкновенно, въ своемъ распоряженіи около половины всей пашни, а при Николаѣ I только одну треть. Но совсѣмъ обезземеливать крестьянъ, вводитъ такъ называемое „плантаціонное хозяйство“ (по сходству съ американскими табачными или хлопчато-бумажными плантаціями, гдѣ рабы-негры вовсе не имѣли своего надѣла), рѣшались лишь очень немногіе помѣщики. Обезземеленные крестьяне работали еще хуже, чѣмъ обыкновенные крѣпостные, — да къ тому же въ огромномъ количествѣ разбѣгались, на прощанье нерѣдко поджигая усадьбу своего „плантатора“. Переходившіе къ „плантаціонной системѣ“ помѣщики видѣли, что хлопотъ у нихъ прибавляется, а доходъ остается прежній. „Одни изъ нихъ разорили своихъ крестьянъ, другіе разорились лишь сами“, по сло-

вамъ того же образованнаго русскаго дворянина, который сравнилъ современную ему деревню съ фабрикой.

Мало по малу дѣло дошло до того, что на югѣ имѣніе съ крѣпостными стоило дешевле, нежели имѣніе безъ крѣпостныхъ, гдѣ, значитъ, вся земля была въ полномъ распоряженіи помѣщика. Извѣстный тогдашній богатый купецъ, откупщикъ (и тоже, конечно, „эмансипаторъ“) Кокоревъ, увѣрялъ въ одной своей статьѣ, что ему въ Орловской губерніи въ 50-хъ годахъ предлагали 500 душъ крестьянъ совсѣмъ даромъ, т. е. въ придачу къ землѣ — да онъ не взялъ: хлопотъ много. Если на сѣверѣ рѣчь шла о томъ, чтобы обратить крестьянина въ „свободнаго земледѣльца“, по вольному найму работающаго на барской пашнѣ, то на югѣ главный вопросъ былъ въ томъ, какъ отнять у крестьянина его пашню, и притомъ такъ, чтобы крестьянинъ не убѣжалъ, а остался подъ руками у барина. Выходъ постепенно нашли — надо было отнять у крестьянина столько земли, чтобы онъ съ оставшагося у него надѣла прокормиться не могъ; тогда онъ поневолѣ будетъ обрабатывать барскую землю за самую низкую цѣну, только чтобы не помереть съ голоду — или возьметъ эту, же, отнятую у него землю въ аренду, напротивъ, по самой высокой цѣнѣ, какую только можно получить за эту емлю. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ баринъ выиграетъ: у него будетъ и земля, и дешевые или совсѣмъ ничего не стоящіе работники при ней.

Уже лѣтъ за двадцать до 19-го февраля болѣе образованная часть помѣщиковъ прекрасно понимали все это. Но та политическая система, которую создали и поддерживали сами же помѣщики ради укрѣпленія своего положенія, не давала имъ возможности непосредственно приняться за дѣло.

Объявить крестьянъ свободными могъ только царь. У насъ очень распространенъ предразсудокъ — и не даромъ, конечно, позаботились о его распространеніи — что царская власть въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ шла впереди общества. Это совершенно невѣрно: напротивъ, въ обществѣ мысль объ уничтоженіи крѣпостного права созрѣла задолго до шага, какъ государство сдѣлало первые шаги къ этому уничтоженію. Уже при Екатеринѣ II крупные землевладѣльцы, устроившіе Вольное Экономическое Общество въ Петербургѣ, сочувственно относились къ проектамъ крестьянской реформы — сама же Екатерина, хотя внутренно тоже сочувствовала этимъ проектамъ, не только ничего не сдѣлала для освобожденія крестьянъ, а, напротивъ, усилила крѣпостное право и распространила его на Малороссію, гдѣ его раньше не было. При Александрѣ I неоднократно — и опять-таки среди высшаго дворянства — возникали проекты эмансипаціи: но освобождены были крестьяне только въ Прибалтійскомъ Краѣ, гдѣ на этомъ настаивало все дворянство, а въ Россіи только разрѣшено было отдѣльнымъ помѣщикамъ освобождать своихъ крестьянъ (такъ называемый законъ о „Вольныхъ хлѣбопашцахъ“, 1803 г.). Въ концѣ этаго царствованія объ освобожденіи настойчиво говорили декабристы, одинъ изъ которыхъ, Пестель, предлагалъ планъ реформы, похожій на осуществившійся 19-го февраля, но гораздо болѣе радикальный и болѣе выгодный для крестьянъ. Послѣ побѣды Николая I надъ декабристами, Пестеля повѣсили, а его товарищей сослали на каторгу — правда, не за намѣреніе освободить крестьянъ, а за попытку свергнуть Николая, но и изъ ихъ крестьянскихъ проектовъ ничего не вышло. Поведеніе Николая въ дѣлѣ эмансипаціи было особенно странно: онъ, пови-

димому, даже лучше Екатерины II сознавалъ неизбѣжность паденія крѣпостнаго права и все царствованіе свое возился съ крестьянской реформой, но не слѣлалъ ничего, и пошелъ даже назадъ, сравнительно съ Александромъ I: изданный Николаемъ, въ 1842 году, законъ объ „обязанныхъ крестьянахъ", позволялъ помѣщикамъ освобождать крестьянъ, такъ сказать на половину — крестьяне оставались прикрѣпленными къ землѣ и обязаны были нести разныя повинности въ пользу землевладѣльца, тогда какъ по закону 1803 года они освобождались совсѣмъ. Нечего и говорить, что и въ 1812 году дѣло было поставлено всецѣло въ зависимость отъ доброй воли помѣщика — а эта добрая воля нашлась только у *трехъ* помѣщиковъ на всю Россію, да и тѣмъ чиновники Николая старались ставить всяческія препятствія, такъ что они не рады были, что вздумали освобождать своихъ крестьянъ. Странное поведеніе Николая показываетъ намъ, какъ мало вліянія имѣла на ходъ дѣла личная воля того или другого царя: Николай *не смѣлъ* освободить крестьянъ, хотя и желалъ этого, потому что темная масса среднихъ и мелкихъ помѣщиковъ, ведшая хозяйство по рутинѣ и не умѣвшая часто даже сказать, даетъ ли оно прибыль или убытокъ, не понимала еще необходимости эмансипаціи, которую давно сознали болѣе образованные представители крупнаго земледѣлія. Николай и въ частныхъ бесѣдахъ пробовалъ уговорить дворянъ, и пугачевщиной ихъ стращалъ (въ рѣчи въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи закона 1842 года) — но ничто не помогало. Только когда описанный нами экономическій переворотъ захватилъ большую часть крѣпостной Россіи, когда сложились тѣ исключительно благопріятныя условія на внутреннемъ и заграничномъ рынкѣ, о которыхъ мы говорили

выше — лишь тогда мысль о необходимости „эмансипаціи“ стала проникать и въ самые тупыя помѣщичьи головы. Не мало помогли этому и крестьяне — къ этому времени все чаще и чаще напоминавшіе господамъ о себѣ довольно непріятнымъ образомъ. Нечего и говорить, что превращеніе барскаго имѣнія въ „фабрику“, а самаго крестьянина въ живой товаръ, въ нѣкоторое подобіе американскаго негра очень тяжело доставалось крестьянской массѣ. Самое зарожденіе крѣпостническаго капитализма было отмѣчено пугачевскимъ бунтомъ (1773 – 1775 г.). Его варварски „усмирили“, — но съ тѣхъ поръ ни одно царствованіе не обходилось безъ волненій, и число послѣднихъ все росло: съ 1826 по 1829 года было 41 „волненіе“, съ 1835 по 1839 — 59, а съ 1845 по 1849 — 172. Все чаще и чаще озлобленные крѣпостные поджигали усадьбы, убивали помѣщиковъ — а иногда *ѣли* ихъ: сколько помѣщиковъ было высѣчено своими крестьянами, сказать, конечно, нельзя, ибо этотъ „позоръ“ благородные дворяне тщательно скрывали, но современные писатели увѣряютъ, что явленіе было достаточно распространенное; убивали же помѣщиковъ, въ концѣ царствованія Николая, по 30 въ годъ, среднимъ числомъ. Страхъ крестьянскаго топора или крестьянской розги сдѣлалъ то, чего не могли добиться никакіе экономическіе аргументы: въ половинѣ 50-хъ годахъ, во время крымской войны, когда крестьянскія волненія были особенно грозны, обширны и настойчивы, объ освобожденіи крестьян заговорили самые упрямые крѣпостники. Александръ Николаевичъ, занявшій мѣсто отравившагося Николая I 19-го февраля 1856 года, могъ поставить дѣло болѣе практически, чѣмъ его отецъ. Царскимъ указомъ 20 ноября 1857 г. были созданы *губернскіе комитеты по крестьян-*

скому дѣлу, состоявшіе почти исключительно изъ выборныхъ отъ мѣстныхъ помѣщиковъ — отъ крестьянъ въ нихъ, разумѣется, не было ни одного человѣка. Эти комитеты и занялись выработкой проекта крестьянской реформы. Параллельно съ ними тѣмъ же дѣломъ занялись *редакціонныя коммиссіи* въ Петербургѣ, составленныя изъ чиновниковъ и помѣщиковъ, но не выборныхъ, а назначенныхъ правительствомъ.

Мы не будемъ останавливаться на столкновеніяхъ между комитетами и комиссіями—къ этимъ столкновеніямъ и сводится, въ сущности, исторія самой реформы (періода времени съ 1857-го по 1861 годъ). Подкладка столкновеній заключалась въ томъ, что комиссіи отстаивали интересы дворянскаго государства, какъ цѣлаго — а комитеты интересы помѣщиковъ разныхъ полосъ Россіи. Помѣщикамъ черноземныхъ губерній, напримѣръ, выгодно было, какъ мы знаемъ, обрѣзать до послѣднихъ предѣловъ крестьянскій надѣлъ: но если бы надѣлъ былъ слишкомъ уже малъ, крестьянину нечѣмъ было бы платить подати -а на нихъ содержались и армія, и полиція, нужныя тѣмъ же помѣщикамъ. Правильно понятые интересы этихъ послѣднихъ и требовали, чтобы крестьянину оставили земли по крайней мѣрѣ столько, чтобы изъ доходовъ съ нея можно было взыскать подати. Оттого комиссіи и отстаивали большій надѣлъ, чѣмъ какой соглашались дать черноземные помѣщики. Но въ основномъ спорящія стороны были согласны: что освобожденіе должно было совершиться съ возможно большей выгодой для помѣщика, и, прежде всего, не должно быть *даровымъ*. Правда, пустить на выкупъ самыя крѣпостныя „души“ не рѣшились—справедливо опасаясь, что крестьянамъ такая „воля“ можетъ показаться слишкомъ дорогой. Говорили о выкупѣ *земли*—на всѣ

лады расписывая, какое это крестьянамъ оказываютъ благодѣяніе, освобождая ихъ съ землею (а что это значило на черноземѣ, мы ужъ видѣли): но оцѣнили эту землю такъ, что въ выкупную сумму вошла и цѣна крестьянскихъ „душъ", сидѣвшихъ на этой землѣ. По цѣнамъ на землю въ 50-хъ годахъ вся площадь, отошедшая подъ крестьянскіе надѣлы стоила 374 милліона рублей: а взяли за нее 684 милліона, выплаченные крестьянами въ видѣ „выкупныхъ платежей". Триста милліоновъ слишкомъ стоила крестьянамъ „даромъ" пожертвованная имъ добрымъ царемъ и добрыми господами свобода! Любопытно, что за волю взяли и черноземные помѣщики, передъ 19 февраля отдававшіе своихъ крѣпостныхъ задаромъ: взяли, правда, „немного" — всего 58 милліоновъ рублей. Но продать вещь, которая уже давно ничего не стоила, хотя бы и за десятки, а не сотни милліоновъ—да еще увѣрить при томъ покупщика, что его по гробъ жизни облагодѣтельствовали, это фактъ, дѣйствительно, „безпримѣрный" въ исторіи, — какъ любятъ называть крестьянскую реформу наши буржуазные либералы. Надо прибавить, что и въ вопросѣ о *размѣрахъ надѣла* упрямыя „комиссіи" оказались въ концѣ концовъ побѣжденными; были допущены, мѣстами, минимальные надѣлы менѣе 1 десятины, и помѣщику было предоставлено, фактически, право даже безземельнаго освобожденія: уступивъ крестьянамъ даромъ одну четверть надѣла, помѣщикъ могъ всю остальную землю забрать себѣ. То, что въ общемъ этимъ воспользовались лишь очень немногіе помѣщики (хотя мѣстами такъ было обезземелено до 35 % крестьянъ), показываетъ, насколько мало выгодно было безземельное освобожденіе для самихъ дворянъ.. За то и въ общемъ крестьянскій надѣлъ былъ сильно уменьшенъ: у

крестьянъ отрѣзали 5.262,000 десятинъ, причемъ въ семи черноземныхъ губерніяхъ они потеряли болѣе одной трети надѣльной земли. Само собою разумѣется, что и пожеланія редакціонныхъ комиссій, чтобы крестьянинъ могъ уплачивать подати изъ дохода отъ своей земли, осуществились: по 37 губерніямъ платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ послѣ освобожденія составляли въ среднемъ 198 % дохода съ крестьянской земли — по просту, крестьянинъ платилъ вдвое больше, чѣмъ получалъ. А что же ѣлъ крестьянинъ, спросите вы, коли „вольный трудъ“ на его землю не оплачивалъ даже половины податей? На это отвѣтили еще редакціонныя комиссіи: „при достаточной свободѣ располагать своей личностью“, писали онѣ, крестьянинъ будетъ исправно вносить свои платежи, которые „могутъ быть *заработываемы имъ* безъ особыхъ усилій“. Вольный земледѣлецъ, который умретъ съ голоду на своемъ кошачьемъ надѣлѣ, если не будетъ продавать своей рабочей силы въ барскую экономію — или не будетъ арендовать за сумасшедшую цѣну барской земли — таковъ былъ высокій идеалъ, къ которому стремились крестьянскіе благодѣтели 1861 года. Какъ видимъ, потомкамъ „эмансипаторовъ“ есть чѣмъ помянуть реформу 19 февраля. А потомкамъ облагодѣтельствованныхъ нужно не забывать, чего стоятъ „реформы“, которыми „даромъ“ награждаютъ народъ его добрые государи и не менѣе добрые господа. Самая дорогая вещь на свѣтѣ—даровое барское угощеніе....

Домовъ.

(Оттискъ изъ сборника „Впередъ“)

Кооперативная Типографія „Союзъ“, 50, Bd Arago, Paris.